

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОМЕН СИМВОЛИЧЕСКОГО УНИВЕРСУМА

Статья посвящена представлению исторического домена, как части общей концепции символических универсумов. Данный домен, согласно авторской концепции, принадлежит ко второму уровню иерархии доменов символического универсума. Под символическим универсумом подразумевается мета-смысловая система, предлагающая собственную матрицу видения и интерпретации объективных (природных), intersубъективных (социальных) и субъективных событий или явлений. Его важность состоит в том, что он задает систему темпоральных координат в социальном мире – это одна из главных функций символического универсума в целом. Для индивида упорядочивается не только прошлое, но и настоящее и будущее. Для социальной системы имеется как объективная, так и субъективная необходимость в существовании символических универсумов. При этом только один из них может быть доминирующим в отдельно взятый период истории.

Символический универсум дает социальным акторам общую точку отсчета, в том числе на основании общей истории. Одним из базовых смыслов исторического домена представлена коллективная идентичность, смыслотворческая активность по формированию и поддержанию чувства со-принадлежности с определенным мета-сообществом.

А. N. SHULGA

HISTORICAL DOMAIN OF A SYMBOLICAL UNIVERSE

The article is devoted to representation of the historical domain as parts of the general concept of symbolical universe. This domain, according to the author's concept, belongs to the second level of hierarchy of domains of a symbolical universe. The symbolical universe is meant as the meta-semantic system offering own matrix of vision and interpretation objective (natural), the intersubjective (social) and subjective events or the phenomena. Its importance is that it sets system of temporal positions in the social world. It is one of the main functions of a symbolical universe in general. For the individual not only the past, but also the present and the future is ordered. For social system there is both an objective, and subjective need for existence of symbolical universe. At the same time only one of them can be dominating during separately taken historical period. The symbolical universe gives to social actors the general reference point, including on the basis of the general history. Collective identity, sense and creative activity on formation and maintenance of feeling of belonging to a certain meta-community is presented to one of basic meanings of the historical domain.

ШУЛЬГА
Александр Николаевич

Предварительные замечания

Целью данной статьи является представление одной из частей нашей общей концепции символических универсумов, а именно исторического домена, который принадлежит ко второму уровню иерархии доменов символического универсума¹. Под символическим универсумом мы подразумеваем мета-смысловую систему, предлагающую собственную матрицу видения и интерпретации объективных (природных), intersубъективных (социальных) и субъективных событий или явлений. Его важность состоит в том, что он задает систему темпоральных координат в социальном мире – это одна из главных функций символического универсума в целом. Для индивида упорядочивается не только прошлое, но и настоящее и будущее. Для социальной системы имеется как объективная, так и субъективная необходимость в существовании символических универсумов. При этом только один из них может быть доминирующим в отдельно взятый период

¹ Оригинальное понятие взято из концепции Питера Бергера и Томаса Лукмана [9]. Однако сама дефиниция и познавательные функции были существенно реинтерпретированы [7].

истории. Субъективная необходимость объясняется страхом индивида перед хаосом, в то время как символический универсум упорядочивает социальную реальность для индивида. То же он делает и на социетальном уровне во временной плоскости, давая своим носителям общую точку отсчета, в том числе на основании общей истории. Для раскрытия основных характеристик исторического домена символического универсума нам предстоит ответить на несколько важных вопросов: каковы базовые смыслы этого домена, а также за счет чего индивидам задается система координат для ориентации в историческом времени. Забегая вперед, можно сказать, что одним из главных базовых смыслов этого домена является коллективная идентичность, смыслотворческая активность по формированию и поддержанию чувства со-принадлежности с определенным мета-сообществом. Отдельный и очень важный вопрос: как достигается это чувство со-принадлежности и коллективной идентичности? Именно ответ на этот во-

докторант, старший научный сотрудник
отдела теории и истории социологии,
Института социологии НАН Украины

прос станет главной задачей в рамках нашего анализа исторического домена. Кроме того, мы рассмотрим его на конкретных примерах и с использованием эмпирических социологических данных.

Концепция культурной травмы и исторический домен

Реализуя поставленную перед нами задачу – исследование того, что играет ключевую роль в конструировании чувства со-принадлежности к одной и той же коллективной идентичности как одного из маркеров принадлежности к определенному символическому универсуму, – в анализе мы опираемся на концепцию «культурной травмы», предложенную Дж. Александером².

Согласно этой концепции культурная и коллективная травмы имеют своим результатом отнесение индивидом себя к общности, которая пережила какое-то историческое событие, представленное для него в качестве травмы. Данная концепция поможет расширить анализ базовых смыслов символических универсумов, а также приемов их борьбы – в первую очередь прием де-символизации.

Почему концепция культурной травмы полезна для нашего исследования? В первую очередь это связано с тем, что культурная травма и ее выстраивание раскрывают механизм формирования центральных, базовых смыслов символического универсума и дальнейшего развития вокруг них целых смысловых и символических комплексов. Согласно Дж. Александеру не каждое событие становится культурной травмой. Для этого должен быть выполнен ряд условий. Главное из них – насколько то или иное событие вплетается в уже существующую канву смыслов символического универсума. «Приобретает ли травмирующее событие статус зла – это вопрос того, *становится* ли оно злом, – пишет Александер. – Это вопрос того, как о травме узнают, как она кодируется» [1, с. 109–110].

При этом масштаб события, его подлинная трагичность или величие не играют определяющей роли, хотя по логике вещей именно это должно быть главным критерием культурной травмы. В качестве примера Дж. Александер приводит Холокост. Он пишет: «...даже после триумфа физической силы союзников и физического обнаружения нацистских концентрационных лагерей природа увиденного и обнаруженного должна была быть закодирована, ей нужно было придать смысловой вес и превратить ее в нарратив. Более того, это сложное культурное конструирование должно было быть осуществлено немедленно. История не ждет; она требует создания репрезентаций, и они создаются» [1, с. 114].

Таким образом, даже гибель миллионов людей не является гарантией превращения трагического события в культурную травму. Ученый делает акцент на влиянии власти и политической элиты в этих процессах: «...на эти шаткие культурные конструкции судьбоносное влияние оказывают власть и личность управляющих ситуацией действующих лиц, соревнование за контроль над символами и обуславливающие его структуры власти и распределения ресурсов» [1, с. 115].

² См. также [4, 5].

Из приведенного выше мы делаем два важных вывода: событие становится культурной травмой, т. е. одним из базовых интегрирующих смыслов символического универсума, при условии немедленного его вплетения в смысловую и символическую канву доминирующего универсума, что в свою очередь приводит к «кодированию» его как такового – включению в процессы вертикальной легитимации. Последнее означает, что это событие становится культурной травмой не только для его непосредственных свидетелей и участников, но и для последующих поколений.

Относительно первого вывода важность временного фактора для преобразования события или ряда событий в культурную травму подтверждает случай Голодомора и его восприятие в современном украинском обществе. С момента объявления независимости Украины осуществлялись целенаправленные и массовые попытки реанимировать события 1932–1933 гг. на территории Украины как культурную травму и использовать ее для формирования коллективной идентичности. Однако за все годы эти попытки не принесли существенных успехов. В первую очередь потому, что большая часть населения была все эти годы под влиянием «советского» универсума, где эти события, пользуясь терминологией Джеффри Александера, «не были закодированы в качестве зла». Ведь процесс сигнификации и символического производства полностью контролировался «экспертами» старого универсума, а общественный дискурс строго регламентировался, жестко пресекая любые попытки внедрения туда чужеродных смыслов. В результате события 1932–1933 гг. были на долгое время вытеснены из дискурса, не говоря уже о процессах вертикальной легитимации и их экстернализации и объективации в качестве культурной травмы. Новые поколения украинцев попросту встречали их как новые смыслы, хотя некоторые узнавали о них благодаря рассказам непосредственных свидетелей. Однако реконструкция культурной травмы по прошествии 60 и более лет после фактических событий оказалась очень сложным процессом: новый символический универсум не смог включить в свое смысловое поле новую (старую) культурную травму. Эта травма в качестве центральной культурной травмы по своей значимости могла бы соперничать с центральной культурной травмой старого универсума – здесь мы говорим о Второй мировой войне и более конкретно о 1941–1945 гг. При этом центральная культурная травма старого универсума и процессы, с ней связанные, является одним из индикаторов тех коренных изменений, которые произошли в украинском обществе за последние 25 лет.

Речь идет не только о замене социально-экономического строя в стране, но и о замещении одного символического универсума другим. К этому же можно отнести и составление истории, ее интерпретацию. В процессе упорядочения первыми объектами становятся исторические события и процессы, которые стали и могли бы стать культурными травмами. Одни из них включаются в смысловое поле символического универсума, другие вытесняются с поля рефлексии, третьи корректируются, четвертые становятся объектами символической агрессии: де-символизации, создания коллокаций, сатиры и т. д. [6].

Все эти средства борьбы символических универсумов – замены «советского» на «новый» – четко наблюдаются в последние 20 лет. Тема Второй мировой войны, ее символизм, «священность» этой войны, победа в ней красной нитью проходили через «советский» универсум. Подрыв этого символизма является покушением на подрыв всего «советского» универсума. Как показывают данные мониторинга Института социологии НАН Украины, этот подрыв был довольно успешным. Полная ревизия системы преподавания и толкования истории, которую составляли 70 лет: новые учебники по истории для школьников и студентов, содержащие другую интерпретацию, новый дискурс в средствах массовой информации, включая многочисленные документальные фильмы, передачи, расследования; новые художественные фильмы о Второй мировой войне, роли в ней СССР, а также в целом новый дискурс, сложившийся в новейшей Украине, привели к новому видению Второй мировой войны в целом и отдельных ее процессов в частности.

Здесь мы видим интегральность процесса легитимации и более конкретно вертикальной легитимации, непосредственно связанной с историческим доменом. Соответствующая определенному символическому универсуму интерпретация истории, ее целостная концепция является одним из основных условий утверждения и поддержания этим универсумом культурной гегемонии. В связи с этим пример украинского общества очень показателен, ведь за все годы независимости так и не была сформирована целостная концепция истории страны, а одни и те же события до сих пор часто трактуются диаметрально противоположно. Почему так случилось, что после стольких лет с момента провозглашения независимости Украина остается расколотой по многим вопросам интерпретации истории, ее событий и персоналий, – это отдельная и очень важная тема.

Вместе с тем в обществе остались большие символические анклавов, в которых сохранилось доминирование старого универсума если не в целом, то в отдельных доменах – историческом, ценностном, языковом. Новые базовые символы не были приняты их носителями, процесс замены старых символов так и остался лишь проектом.

Символические анклавов и исторический домен

Здесь в рамках анализа исторического домена символического универсума мы должны коротко очертить еще одну специальную и самодостаточную концепцию – концепцию символических анклавов. Именно она позволяет уточнить, объяснить и описать процессы, которые сопровождают наличие в рамках одного общества двух или более символических универсумов и соответственно двух или более интерпретаций истории, самоидентификаций себя членами одного и того же общества с разными метаобществами. Ведь каждый символический универсум претендует и стремится к эксклюзивному, безальтернативному определению социальной реальности, определению рамок интерпретации всех объективных, intersubъективных и субъективных процессов и явлений для каждого индивида.

Нахождение индивида – носителя альтернативного универсума в социально-символическом поле доминиру-

ющего универсума, безусловно, связано с перманентным психологическим дискомфортом и как минимум необходимостью мимикрировать в условиях подавляющего числа интеракций с носителями доминирующего символического универсума. В подобных условиях не обойтись без символических анклавов, которые служили бы опорой, символическим фундаментом, позволяющим индивидам – носителям альтернативного универсума встречать таких же носителей, получать их понимание и поддержку в уверенности, что доминирующий универсум несправедлив, неправилен, является искаженной версией их универсума и безальтернативно искажает историю. Главная объединяющая их характеристика состоит в том, что это символические площадки, в которых носители альтернативного символического универсума могут свободно взаимодействовать и коммуницировать без потребности мимикрировать или же испытывать психологический дискомфорт либо вовсе избегать контакта с представителями доминирующего универсума. Символические анклавов могут существовать в различных формах и размерах. Наиболее элементарный уровень представляет собой устойчивые Мы-связи индивидов в повседневной жизни. Самой сильной из них можно назвать семью, тем более что эта форма подразумевает первичную социализацию ребенка в особых условиях: новый член общества с самого начала получает не базовые смыслы доминирующего универсума, а в него вкладываются ценностно-смысловые матрицы альтернативного универсума. Окончательная интернализация этого универсума, безусловно, зависит от многих факторов, в первую очередь от возможности воспроизведения этих смыслов и их использования в Мы-связях этого ребенка в его повседневной жизни – со сверстниками, в школе. В ином случае ребенок будет ощущать перманентный диссонанс и психологический дискомфорт, ответом на который будут ретритизм либо же мимикрия.

В случае с символическим анклавом, в котором сохранилась культурная гегемония старого символического универсума, мы в первую очередь имеем дело с особым дискурсом, сохранившимся даже в новых условиях. Сюда входят все смысловые конструкции, вплетенные в повседневные коммуникативные практики. Попадая в такого рода символический анклав, носитель другого символического универсума может не сразу почувствовать эту разницу, ведь используется тот же язык, что и в большей части общества. Однако рано или поздно эти особые конструкции неминуемо будут использованы при его рутинных взаимодействиях в рамках символического анклава.

Эти конструкции, словосочетания будут тем более неестественными для представителя доминирующего универсума, поскольку были долгое время предметом десимволизации, сатиры и прочих элементов многомерного процесса замещения культурной гегемонии одного универсума культурной гегемонией другого. Этот процесс сопровождается смысловой агрессией на все основные символы старого универсума. По этой причине то, что до сих пор является само собой разумеющимся и релевантным в символических анклавов, в остальной части общества считается анахронизмом, пережитком, неуклюжим наследием прошлого.

Кроме особого дискурса в символических анклавах со старым символическим универсумом могут также существовать и свои языковые особенности. Так, в украинском обществе, которое по-прежнему является двуязычным, в подобных символических анклавах заметно превалирует именно русский язык – язык старого, «советского», символического универсума как язык наднациональный и межнациональный. Украинский язык как язык сугубо национальный – это вызов «советской» универсалистской матрице. По этой причине в тех символических анклавах, где сохранился старый универсум, распространению украинского языка сопротивлялись очень активно, чем также активно пользовались местные политики в своих предвыборных кампаниях. И именно поэтому даже после 25 лет жизни в условиях утраты культурной гегемонии советского универсума в Украине сохранились почти полностью русскоязычные анклавы.

Тесно связанными с особенностями дискурса и языкового применения в символических анклавах и их существования являются такие аспекты, как самоидентификация жителей этих анклавов, а также, безусловно, интерпретация истории.

Что касается интерпретации истории, то она, подобно дискурсу символического анклава, также очень резко диссонирует с той версией истории данного общества в целом и его отдельными событиями в частности, которые приняты в доминирующем универсуме. Иначе говоря, с той интерпретацией истории, которая преподается в школах и вузах, используется «экспертами» и политиками доминирующего символического универсума. Каждый из символических универсумов претендует на безальтернативное определение реальности для своих носителей, потому в большинстве случаев интерпретация одних и тех же исторических событий, их ценностная оценка у представителей разных универсумов существенно разнятся или прямо противоположны. Это в первую очередь проявляется в том, какие события трактуются в рамках того или иного универсума в качестве культурной травмы и какой смысл в нее вкладывается.

Заключение

Таким образом, исторический домен символического универсума представляет собой набор базовых смыслов в виде готовых интерпретаций и оценок исторических событий, их роли и последствий для настоящего и будущего. Исторический домен задает социальному актору систему исторических координат на основе фундаментальной сигнификации – чувства со-принадлежности к мета-сообществу. Это ощущение достигается посредством интернализации индивидом в процессе вертикальной и горизонтальной легитимации соответствующих центральных смыслов и выстроенных вокруг них смысловых комплексов. В качестве таких центральных смыслов и символов мы в первую очередь имеем в виду культурные травмы – событие или серии событий, которые в силу своей травмирующей природы (войны, гражданские кон-

фликты, революции, катастрофы, массовая гибель людей по разным причинам) являются объединяющими для индивидов на основе их общего переживания или сопереживания и закодированы в качестве культурной травмы. Последнее имеет фундаментальное значение, поскольку, несмотря на свое величие или трагичность, событие, не закодированное символическим универсумом в качестве культурной травмы, будет восприниматься таковой только для непосредственных участников, а потому останется лишь коллективной травмой, релевантной для этой группы. По этой причине для новых поколений, а также тех, кто не был непосредственным участником этих травмирующих событий, они не будут восприниматься таковыми. Показателен в этом контексте пример Голодомора 1932–1933 гг. и отсутствие его кодификации в качестве культурной травмы из-за его вытеснения из публичного рефлексивного поля советским универсумом в течение 60 лет после окончания этих трагических событий и большие трудности нового универсума ре-кодифицировать их в качестве центральной культурной травмы.

Культурные травмы, органически вплетенные в смысловую структуру символического универсума, предлагают индивиду ощущение со-принадлежности к мета-сообществу, на основании чего для индивида упорядочивается и интерпретируется история. Сами культурные травмы становятся маркерами, водоразделами исторического процесса, соответствующим образом упорядочивают его. Ни один символический универсум не может утвердить свое доминирование без наличия у него центральной культурной травмы, поскольку это играет фундаментальную роль для коллективной самоидентификации его носителей. Так, новый универсум в Украине начал интенсивно утверждаться только после событий Майдана 2013–2014 гг. и войны, после него начавшейся. Эти события фактически сразу были закодированы в качестве культурной травмы, как трагические и консолидирующие. Именно эта травма (при уже описанной сложности ре-кодификации Голодомора 1932–1933 гг. в качестве таковой) имеет все шансы стать центральной культурной травмой нового символического универсума и предстать базисом для всей смысловой и символической системы, объективированной для тех, кто не был непосредственным участником этих событий.

Кроме того, в украинском обществе существуют целые символические анклавы, в которых доминирует старая ценностно-смысловая матрица, предлагающая совершенно другую историческую схему и соответствующие интерпретации. Эти анклавы охватывают значительные территории страны. «Сосуществование» нового и старого универсумов продолжалось на протяжении более 20 лет. В последние несколько лет, вследствие драматических событий в стране, контуры символических анклавов проявились намного более отчетливо, а вместе с ними – и две противоборствующие матрицы, включающие в себя соответствующие интерпретации истории и культурные травмы.

Список использованных источников

1. Александер, Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / Дж. Александер. – М. : Праксис, 2013. – 630 с.
2. Грамши, А. Избранные произведения : в 3 т. / А. Грамши. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1957. – Т. 1. – 512 с.

3. Грамши, А. Избранные произведения / А. Грамши. – М. : Политиздат, 1980. – 422 с.
4. Штомпка, П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 1. – С. 6–17.
5. Штомпка, П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 2. – С. 3–12.
6. Шульга, А. Легитимация и «легитимация»: феноменологический анализ / А. Шульга. – К. : Институт социологии НАН Украины, 2012. – 208 с.
7. Шульга, А. Предварительные замечания к реинтерпретации понятия «символический универсум» / А. Шульга // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2013. – № 4. – С. 122–134.
8. Шульга, А. Символические анклав и смена символических универсумов / А. Шульга // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2015. – № 3. – С. 95–107.
9. Berger, P. L., Luckmann, Th. The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge / P. L. Berger, Th. Luckmann. – Harmondsworth : Penguin, 1987. – 249 p.

29.06.2016